

Китайские инвестиции в Африке: источник экономического роста или новая форма неокOLONиализма?

Финансирование: ЯрГУ, проект № VIP-017

Зеткина Оксана Валерьевна

кандидат экономических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация

Email: ovzetkina@ya.ru

Краснова Елизавета Семёновна

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация

Email: elisaweta.k@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА.

Китай, Африка,
инвестиции,
неокOLONиализм,
внешнеэкономическая
зависимость,
международные
экономические отношения,
инфраструктура,
политическое влияние

АННОТАЦИЯ.

В статье рассматриваются особенности инвестиционной стратегии Китая в странах Африки в контексте её влияния на экономическое развитие и формирование внешнеэкономических зависимостей. Исследование направлено на выявление противоречий между декларативной политикой «взаимовыгодного сотрудничества» и фактическими механизмами экономического влияния, используемыми КНР. Проведен анализ динамики и структуры китайских инвестиций за период 2003–2023 гг., дана оценка отраслевой направленности и географической концентрации капитала. Особое внимание уделено концептуализации феномена «привязанных инвестиций» как инструмента трансформации долговых обязательств в элементы институционального контроля над ключевыми активами. Методологическую основу составляют структурный и сравнительно-аналитический методы, а также теория зависимости и модернизационные концепции. В работе акцентируется внимание на корреляции между объёмом китайских вложений и изменениями внешнеполитической ориентации африканских государств. Сделан вывод о наличии признаков неокOLONиализма в современной инвестиционной политике КНР на континенте. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости переосмысления парадигмы международного экономического взаимодействия и разработки механизмов, обеспечивающих баланс между инвестиционной привлекательностью и устойчивым развитием стран-реципиентов.

JEL codes: F21, F35, O19, F59

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-10-179-192>

Для цитирования: Зеткина, О.В. Влияние ПИИ на экспорт ИКТ в странах БРИКС: эконометрический анализ и поиск альтернативных объяснений / О.В. Зеткина, Е.С. Краснова. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №10. - С.179-192. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.10.2025)

Введение

Внешние инвестиции играют ключевую роль в формировании экономического ландшафта африканских государств XXI века, способствуя развитию инфраструктуры, модернизации производственных мощностей и расширению межрегионального сотрудничества. В условиях глобализации и структурных преобразований мирового хозяйства Африка стала важным направлением притока капитала, привлекая как традиционных инвесторов, так и новых экономических лидеров, прежде всего Китай. Прямые иностранные инвестиции способствуют созданию новых рабочих мест, развитию транспортно-логистических коридоров, росту энергетической независимости, однако одновременно порождают дискуссии о возможных социально-экономических рисках.

За последние два десятилетия Китай существенно увеличил свое присутствие в Африке, став ведущим инвестором региона. В рамках инициативы «Один пояс, один путь» реализуются масштабные проекты в сфере транспортной и энергетической инфраструктуры, промышленности и добычи полезных ископаемых. Существенная часть этих проектов финансируется за счет кредитных средств, что вызывает обеспокоенность относительно роста долговых обязательств африканских государств перед КНР.

Научный интерес к данной теме подтверждается рядом исследований, посвященных анализу экономических и политических последствий китайских инвестиций в Африке. Среди ведущих авторов, исследующих данную проблему, можно отметить Е. И. Сафронова [26], Т.Л. Дейч [17], А. Викторьен [14], Дебора Бротигам [2], Крис Олден [1]. В их работах рассматриваются структурные изменения, вызванные притоком китайского капитала, модели сотрудничества и механизмы экономического влияния Китая на африканские государства. Особое внимание уделяется вопросам прозрачности инвестиционных сделок, долгосрочным экономическим последствиям и роли Китая в трансформации национальных стратегий развития африканских стран.

Среди исследователей отсутствует единая точка зрения относительно характера китайских инвестиций и их последствий для политико-экономической устойчивости африканских государств. Дебора Бротигам [2] и Крис Олден [1] подчеркивают преимущественно положительный эффект от сотрудничества с Китаем, указывая на развитие инфраструктуры, рост занятости и повышение экспортного потенциала. Они рассматривают китайские инвестиции как альтернативу западной помощи. В то время как другие исследователи, например, Т.Л. Дейч [17] и А. Викторьен [14] обращают внимание на скрытые механизмы формирования зависимости: рост внешнего долга, ограничение экономического суверенитета, усиление влияния Китая на политический курс африканских стран. По их мнению, КНР использует экономические инструменты для достижения внешнеполитических целей, постепенно трансформируя структуру международных отношений в свою пользу. Таким образом, в научной дискуссии прослеживается противоречивое восприятие китайского присутствия в Африке.

Предмет. Масштаб, структура и последствия китайских инвестиций в Африку, их влияние на экономический рост и формирование экономической и политической зависимостей. **Цель.** Определить, являются ли китайские инвестиции в Африке катализатором экономического роста или механизмом формирования экономической и политической зависимости. **Задачи.** Для достижения цели были поставлены следующие задачи: 1) проанализировать динамику китайских инвестиций в Африку; 2) сравнить китайскую инвестиционную модель с западными альтернативами; 3) исследовать изменения во внешнеполитическом курсе африканских государств.

Методология

Исследование основано на использовании комплексного методологического подхода, состоящего из структурных, статистических и сравнительно-аналитических методов. Структурный анализ позволил выделить ключевые направления китайских инвестиций в Африке, а статистический анализ – оценить их динамику и масштабы на основе данных Всемирного банка, ЮНКТАД, МВФ. Сравнительно-аналитический метод применялся для сопоставления инвестиционной стратегии Китая с политикой западных игроков. Теоретическую основу исследования составляют классические и современные концепции международных экономических отношений.

Новизна исследования. Авторы статьи объединяют экономический и политический анализ, позволяя рассмотреть влияние китайских инвестиций не только на развитие региона, но и на внешнеполитический курс африканских стран. В данной работе анализируется, как приток китайского капитала соотносится с изменением дипломатической риторики и позиций африканских государств. Особый акцент сделан на сравнении инвестиционных моделей Китая и западных стран. Также проведен количественный анализ, позволяющий оценить корреляцию голосований Африканских стран в ООН и размера китайских инвестиций.

Наше исследование проводилось в рамках следующих направлений:

1. Изучение теорий, лежащих в основе постановки проблемы взаимоотношений стран на мировой арене;
2. Анализ структуры и объема китайских инвестиций в Африке, а также их влияния на формирование экономической зависимости региона;
3. Исследование инвестиционной экспансии Китая в Африке как части глобального противостояния с Западом;
4. Анализ механизмов формирования дипломатической поддержки Китая африканским континентом.

Китайская инвестиционная экспансия в Африку – одно из ключевых явлений мировой экономики XXI века. С 2000 года Китай вложил в африканский регион более 182 млрд долл в [17], став крупнейшим инвестиционным и торговым партнером континента. Эти инвестиции охватывают инфраструктуру, добывающий сектор, энергетику и другие стратегические отрасли.

Согласно теории А. Смита [27] и Д. Рикардо [25], Африка представляет стратегический интерес для Китая. Абсолютные преимущества африканских стран заключаются в богатых природных ресурсах, которые обеспечивают КНР сырьем. Относительные преимущества связаны с дешевой рабочей силой. Теория модернизации утверждает, что развивающиеся страны, такие как Африка, могут достичь экономического роста через иностранные инвестиции в инфраструктуру, технологии, образование, в этом контексте китайские инвестиции способствуют экономическому развитию континента.

Такой подход критикуется в рамках теории зависимости, сформулированной Р. Пребишем и А. Гундер Франком в XX веке. [9] Рауль Пребиш, аргентинский экономист и первый исполнительный секретарь экономической комиссии ООН для Латинской Америки, выступил с критикой неолиберальных представлений о свободной торговле. В своих трудах [9] он утверждал, что международное разделение труда носит неравноправный характер: развивающиеся страны, оказывающиеся на периферии мировой экономики, в основном экспортируют сырье и полуфабрикаты, тогда как индустриально развитые страны центра поставляют готовую продукцию с высокой добавленной стоимостью. Такая структура торгово-экономических отношений воспроизводит зависимость и препятствует индустриализации периферийных стран, консервируя их экономическую отсталость. Развивая эти идеи Андре Гундер Франк [6], сформулировал собственную концепцию в рамках теории зависимости. В его интерпретации, подчиненное положение стран периферии по отношению к центру является не временным, а системным феноменом. Он ввел в научный оборот термин «развитие неразвитости», акцентируя влияние на том, что отставание и бедность стран третьего мира являются не внутренним следствием слабых институтов или нехватки ресурсов, а прямым результатом включенности в неравноправную систему глобального капитализма, в которой богатые страны извлекают выгоду за счет эксплуатации периферии.

Применительно к китайскому присутствию на африканском континенте положения теории зависимости приобретают особую значимость. Несмотря на риторику равноправного и взаимовыгодного партнерства, вовлечение Китая в стратегические отрасли африканских экономик может быть интерпретировано как форма неокOLONIALной зависимости, где зависимость сохраняется за счет внешнего контроля над ресурсами и ключевыми экономическими секторами.

Теория мировых систем И. Валлерстайна [13] также объясняет этот феномен, рассматривая мировую экономику как структуру, состоящую из ядра (развитых стран), полупериферии и периферии (развивающихся стран), Периферийные регионы поставляют сырье и рабочую силу, но не участвуют в создании конечных продуктов, что закрепляет их невыгодное положение. Схожие идеи можно обнаружить и в теории модернизации У. Ростоу, согласно которой страны развиваются поэтапно, продвигаясь от традиционного общества к индустриальной экономике. [10] Однако, в условиях Африки этот процесс носит фрагментарный характер, поскольку значительная часть инвестиций

сосредоточена в ограниченном числе отраслей и редко приводит к комплексной индустриализации.

С другой стороны, теория новых торговых возможностей П. Кругмана [7] указывает на важность экономии на масштабе и развитии внутренних производственных мощностей. Африканский регион, благодаря растущему внутреннему спросу и потенциалу для создания промышленных кластеров, может интегрироваться в глобальные производственные цепочки не только как поставщик, но и как промышленный центр. Однако этот переход возможен лишь при соблюдении принципов, заложенных в теории устойчивого развития, согласно которой инвестиции должны учитывать не только экономическую выгоду, но и социально-экологические последствия.

В последние годы особый интерес к экономическому сотрудничеству со странами Африки проявляет Китай, что выражается в опережающем росте его товарооборота и инвестиций в регионе. Именно поэтому данные процессы стали объектом пристального внимания ученых и политиков. Несмотря на очевидные экономические выгоды, китайские инвестиции вызывают споры в научных кругах. Существует две основные точки зрения на китайскую модель сотрудничества с Африкой. Одни исследователи, например Дебора Бротигам [2], считают, что Китай действует как катализатор экономического роста, предлагая альтернативу западным инвестиционным моделям. Другая точка зрения, представителем которой является профессор Крис Олден [1], отмечает, что растущая зависимость от китайских капиталовложений создает уязвимость для африканских стран, ограничивая их экономическую самостоятельность.

Проанализируем масштабы, структуру и последствия китайских инвестиций в Африке за период 2003 – 2023 гг.

В XXI веке Африка превратилась в ключевую арену геополитического и экономического соперничества между Китаем и Западом. Активно увеличивая инвестиции и используя кредитные механизмы, Китай существенно расширил своё влияние в регионе, что привело к трансформации глобального баланса сил. Динамика китайских капиталовложений демонстрирует устойчивый рост, если в 2003 году накопленные прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в Африку составляли 74,8 млн долларов, то к 2023 году этот показатель достиг 4,61 млрд долларов. [18]

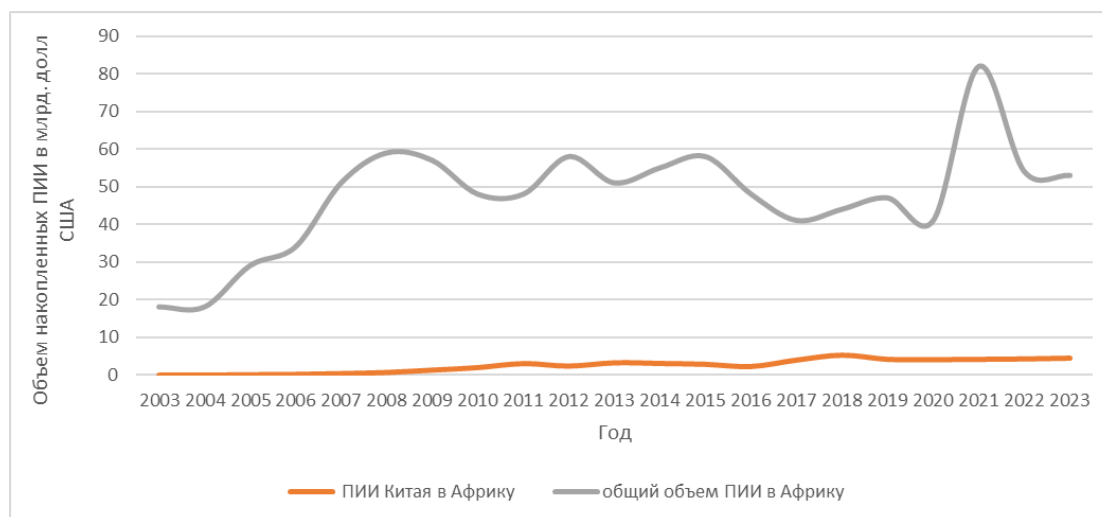

Рисунок 1 – Динамика накопленных ПИИ в Африку, 2003-2023 гг., млрд. долл.

Источник: составлено автором на основе источника [21]

В начале 2000-х годов доля китайских инвестиций в общем объеме инвестиций в Африку составляла не более 2%, в отличие от западных 90%. Однако, к 2023 году Китай укрепил свои позиции и увеличил долю до 9%, в то время как доля западных стран упала до 38%. Эта динамика объясняется не только ростом китайских инвестиций, но и изменениями в глобальной инвестиционной активности.

Пандемия коронавируса оказала негативное влияние на инвестиционную активность в Африке, вызвав экономическую нестабильность, закрытие границ и снижение цен на сырье. Согласно данным

ООН, в 2020 году объем прямых иностранных инвестиций в Африку снизился на 16% по сравнению с предыдущим годом, составив примерно 40 миллиардов долларов. Нарушение цепочек поставок замедлило реализации крупных проектов особенно в области инфраструктуры. [12]

С 2022 года в Африке наблюдалось постепенное восстановление инвестиционной активности, особенно в таких областях, как энергетика, в том числе возобновляемые источники, а также цифровые технологии. В 2022 году объем иностранных инвестиций в Африку увеличился на 5,5%. [3] Внимание инвесторов все больше сосредотачивается не только на добыче сырья, но и на его переработке на африканской территории, что соответствует глобальной тенденции к развитию устойчивых экономик.

Согласно отчету ЮНКТАД, в 2023 году общий объем ПИИ в Африку составил 53 млрд. долларов, что на 3% меньше, чем в 2022 году, среди которых инвестиции европейского союза, составившие 20,3 млрд долларов. [21] Хотя западные инвестиции остаются крупнейшими в абсолютных значениях, их доля снижается на фоне роста китайских вложений. Структура инвестиций КНР и Запада различна. Западные инвестиции сосредоточены в финансовом секторе, потребительских товарах и добыче нефти. Китайские инвестиции преимущественно направлены в инфраструктуру, энергетику и добычу полезных ископаемых. Хотя Китай и уступает Западу в абсолютных объемах ПИИ, он играет ключевую роль в стратегически важных отраслях. Более того, растет инвестиционная активность Индии и стран Персидского залива, что делает Африку еще более конкурентной ареной для международного капитала.

Индия делает ставку на развитие сельского хозяйства, фармацевтики и телекоммуникаций. Компании Tata, Mahindra и Bharti Airtel расширяют свое присутствие в Африке, а правительство Индии реализует программы технического сотрудничества и образовательных обменов.

Страны Персидского залива сосредоточены на развитии инфраструктуры, энергетики и сельского хозяйства. ОАЭ инвестируют в портовую логистику и торговые хабы, а Саудовская Аравия и Катар вкладывают средства в агропромышленные проекты.

Благодаря китайским инвестициям были построены железная дорога Аддис-Абеба – Джибути, множество портовых комплексов и автомобильных дорог в рамках инициативы «Один пояс, один путь», на своих проектах Китай трудоустраивает местных жителей, борясь с безработицей, в среднем создавая 18,6 тысяч новых рабочих мест ежегодно [3]. Развитие транспортных коридоров и логистической инфраструктуры улучшает доступ африканских стран к мировым рынкам, что способствует росту экспорта. Китай стал крупнейшим торговым партнером региона, увеличив объем торговли с 14 млрд долларов до 260 млрд долларов менее чем за 25 лет. [22] Безусловно данные проекты способствуют экономическому росту стран Африки.

Согласно экономической теории, ПИИ обладают положительным эффектом для принимающей экономики: они способствуют передаче технологий, созданию рабочих мест и развитию инфраструктуры без увеличения долговой нагрузки. В отличие от ПИИ, кредиты обременяют экономику. ПИИ могут иметь отрицательные последствия, поэтому важно рассматривать их системно. Специфика Китайских ПИИ позволяет говорить об особой модели взаимодействия с Африкой, поскольку часть предоставленных кредитов впоследствии конвертируется в инвестиции через механизм «привязанных инвестиций». Это означает, что страны, неспособные обслуживать свои долги, вынуждены передавать Китаю контроль над ключевыми активами, что изменяет структуру собственности в африканских экономиках. Таким образом, Китай трансформирует долги в инвестиции и такие инвестиции являются просто переходом титула собственности к новому владельцу из Китая. Такие инвестиции не способствуют экономическому росту, потому что предприятие не получает новые средства, технологии, такие инвестиции не создают рабочие места и не решают экологические проблемы. Они сопряжены только с переходом собственности от одного владельца к другому. Часто такие переходы связаны с ошибками менеджмента ряда Африканских компаний, которые не оценили все риски взятых на себя кредитных обязательств и компания, или вследствие просчетов, или изменения цен на мировых рынках на производимую сырьевую

продукцию просто переходит в собственность китайских владельцев.

Секторальная структура иностранных инвестиций в Африке остается относительно стабильной, однако в последние годы наблюдается рост интереса к новым отраслям.

Рисунок 2 – Структура иностранных инвестиций в сектора Африканской экономики 2021 г., млрд долл.

Источник: составлено авторами на основе источника [21]

Традиционно основными направлениями привлечения иностранных инвестиций в Африку остаются добыча полезных ископаемых, инфраструктура, энергетика, сельское хозяйство и технологический сектор. Высокий уровень капиталовложений в горнодобывающую отрасль обусловлен богатыми запасами нефти, газа, меди, золота и кобальта. Значительные средства направляются в инфраструктурные проекты, где лидирует Китай, на долю которого приходится 60% вложений. Среди которых Аддис-Абеба – Джибути (4 млрд. долл.) и модернизация портов Кении (3,6 млрд. долл.). Энергетический сектор остается приоритетным для Китая, 70% инвестиций приходится на нефтегазовую отрасль, однако быстро растет финансирование возобновляемых источников энергии. [4] В аграрный сектор крупнейшие инвестиции поступают из Индии, Китая и ОАЭ, а технологическая сфера демонстрирует особенно высокие темпы роста. В 2021 году вложения в финансовые технологии и телекоммуникации достигли 8,3 млрд. долл., увеличившись на 48% по сравнению с предыдущим годом, основными инвесторами выступают США (30%), Индия (25%) и Китай (20%). [5]

Китайская инвестиционная модель в Африке отличается от западной, если западные страны делают ставку на частные инвестиции и поддержку рыночных реформ, КНР активно использует государственно-корпоративный подход.

Китайская модель позволяет странам Африки быстро развивать инфраструктуру и промышленность, однако она приводит к усилению экономической зависимости. В отличие от западных инвестиций, китайские часто связаны с доступом к природным ресурсам и контролем над стратегическими объектами.

Но противостояние КНР и Запада распространяется и на международную дипломатию. Ключевыми платформами этого противостояния стали Форум китайско-африканского сотрудничества и саммиты G7. В 2000 году Китай основал FOCAC, который стал альтернативой западным институтам сотрудничества с Африкой. За 20 лет FOCAC привлек более 120 млрд долл инвестиций [20], что позволило Пекину укрепить связи с африканскими государствами. FOCAC

демонстрирует стратегию, ориентированную на долгосрочное партнерство с Африкой, без жестких политических условий, но с экономическими обязательствами.

Рисунок 3 – Сравнение Китайской и западной инвестиционной модели

Источник: составлено авторами.

В ответ на активность КНР, США и ЕС инициировали программы «B3W» и «Global Gateway», заявив о готовности вложить 600 млрд долл в инфраструктуру Африки. Однако, реализация этих инициатив отстаёт от китайской модели, к 2023 году было реально выделено менее 20 млрд долл, Китай же в этот период выделил более 50 млрд долларов на инфраструктурные проекты. [15]

Китайская инвестиционная политика в Африке рассматривается многими исследователями как катализатор экономического роста. Однако она формирует систему экономической зависимости, имеющую признаки неокOLONиализма. В рамках исследования неокOLONиализм рассматривается как форма экономического контроля, при которой государство в теории является независимым, но в действительности его экономическая и политическая сферы управляются извне, такой подход основан на определении Кваме Нкруме. [23] В отличие от западных моделей инвестирования, китайские инвестиции часто сопровождаются привязанными условиями, предполагающими передачу контроля над стратегически важными объектами в обмен на капитал.

Хотя суть механизма зависимости остается неизменной, стратегия Китая эволюционирует, отражая смену его приоритетов.

Рисунок 4 – Основные этапы развития китайских инвестиций в Африке

Источник: составлено авторами

На ранних этапах развития китайские инвестиции были сосредоточены на добыче полезных ископаемых, что позволяло обеспечивать поставки ресурсов в КНР. Это объясняется потребностью Китая в стабильных поставках стратегически важных ресурсов, нефти, меди, кобальта и редкоземельных металлов, необходимых для промышленного производства. Китайские компании активно осваивают месторождения, получая права на добычу в обмен на финансирование проектов в энергетическом и горнодобывающем секторах. Это позволило КНР снизить зависимость от западных поставщиков и создать собственные логистические цепочки.

Однако со временем цели Пекина эволюционировали. Китай начал осознавать, что для эффективного контроля над ресурсами необходима развитая инфраструктура, которая обеспечивала бы бесперебойные поставки. В результате во второй фазе инвестиций фокус сместился на строительство дорог, железнодорожных магистралей, портов и других стратегических объектов. Китайские компании финансировали проекты под государственные гарантии, что позволяло им не только контролировать транспортные узлы, но и оказывать влияние на экономическую политику африканских стран. Такая стратегия обеспечила Китаю доминирующее положение в управлении ключевыми логистическими маршрутами континента.

С 2019 года наблюдается новый этап китайских инвестиций, связанный с цифровой экономикой и зеленой энергетикой. Рост вложений в телекоммуникационную инфраструктуру, развитие сетей 5G, строительство дата-центров и внедрение китайских цифровых технологий, постепенно формирует зависимость африканских стран от китайских IT-решений. Подобная зависимость может привести к тому, что африканские государства будут вынуждены адаптировать свои технологии под китайские стандарты, а это, в свою очередь, усилит контроль КНР над информационными потоками и коммуникационными системами.

Аналогичная тенденция наблюдается и в области возобновляемой энергетики. Китайские компании активно участвуют в строительстве солнечных и ветряных электростанций, предлагая выгодные кредиты и техническое сопровождение проектов. Однако многие из этих инициатив предполагают долгосрочные обязательства перед китайскими инвесторами, что ограничивает экономическую самостоятельность африканских стран. Например, в Кении китайская компания Sinohydro построила крупную солнечную электростанцию в Гариссе, обеспечив ее финансирование и поставку оборудования. Но условия кредитования предусматривают, что обслуживание и управление объектом остается за китайскими специалистами в течение нескольких десятилетий. Несмотря на изменение направлений инвестирования, стратегия Китая остается неизменной, создание комплексной системы контроля, охватывающей не только сырьевые ресурсы и транспортные коридоры, но и высокотехнологичные отрасли.

Для оценки влияния китайских привязанных инвестиций на структуру собственности в Африке авторами были выбраны три государства, которые активно привлекают китайские инвестиции – Эфиопия, Танзания и Замбия. Их опыт демонстрирует разные сценарии взаимодействия с Китаем и последствия таких экономических отношений.

Таблица 1 – Примеры китайских инвестиций в Африке и их последствия.

Страна	Сектор	Роль Китая	Форма зависимости	Последствия
Эфиопия	Транспортная инфраструктура	Предоставление кредитов, технологий, 85% финансирование	Финансовая и операционная	Передача управления объектом Китаю
Танзания	Логистическая инфраструктура	Предложение полного финансирования строительства порта	Политическая	Отказ от сделки

Страна	Сектор	Роль Китая	Форма зависимости	Последствия
Замбия	Горнодобывающий	Предоставление инвестиций и кредитов	Финансовая	Дефолт, передача прав на добычу меди Китаю

Источник: составлено авторами

Один из крупнейших инфраструктурных проектов Китая в Африке – железная дорога Аддис-Абеба – Джибути, соединяющая столицу Эфиопии с портом Джибути. Этот маршрут имеет стратегическое значение, так как через него проходит около 95% международной торговли страны, у которой нет собственного выхода к морю. В 2016 году Китай профинансировал 85% стоимости строительства железной дороги, предоставив кредиты и технологическое сопровождение. [16] Однако из-за финансовых трудностей Эфиопия не смогла выполнять платежи, что привело к передаче управления железной дорогой китайским компаниям. Фактически правительство потеряло контроль над жизненно важной логистической артерией, что усилило экономическую зависимость.

Другим показательным случаем стало развитие проекта порта Багамойо в Танзании. Этот порт должен был стать крупнейшим логистическим центром Восточной Африки и играть ключевую роль в международной торговле региона. Китай выразил готовность полностью профинансировать строительство, однако в обмен на это он настаивал на аренде порта сроком на 99 лет. Танзанийское правительство отказалось от таких условий, опасаясь чрезмерного влияния КНР и фактической потери суверенитета над важным объектом инфраструктуры. Этот случай показывает, что африканские страны начинают более осторожно подходить к вопросам долгосрочного сотрудничества с Китаем, пытаясь избежать ситуации полной зависимости.

Замбия является примером государства, которое привлекло значительные китайские инвестиции в горнодобывающий сектор, но столкнулось с серьезными финансовыми последствиями. Обладая крупнейшими месторождениями меди в Африке, страна активно сотрудничала с инвесторами из КНР, привлекая кредиты на развитие инфраструктуры и модернизацию предприятий. Однако в 2020 году Замбия объявила дефолт, и значительная часть (62%) ее обязательств приходилась на Китай. [8] В результате Китайские компании получили эксклюзивные права на эксплуатацию медных рудников, что привело к частичному выводу прибыли из страны и еще большему усилению экономической зависимости. Этот пример демонстрирует долгосрочные риски китайских инвестиций, особенно когда они связаны с высокими кредитными обязательствами и потенциальной утратой контроля над стратегическими ресурсами.

Таким образом, анализ китайской инвестиционной стратегии в Африке показывает, что Пекин не просто контролирует сырьевые ресурсы и инфраструктуру, но постепенно расширяет свое влияние в новых высокотехнологичных секторах. Это создает более сложные механизмы зависимости, в которых африканские страны становятся все более уязвимыми перед экономическим и технологическим доминированием Китая.

Привязанные инвестиции позволяют Китаю закреплять экономическое присутствие за счет передачи контроля над значимыми объектами. Африканские страны, не справляясь с выполнением инвестиционных условий, оказываются в ситуации, когда их стратегические активы переходят под контроль структур КНР. Такая инвестиционная модель, хотя и обеспечивает экономический рост за счет развития инфраструктуры, расширения экспортного потенциала, порождает явные признаки неокOLONиализма, поскольку контроль над стратегически важными активами в конечном итоге передается КНР.

Представленные данные показывают, что китайские инвестиции создают не только возможность для экономического роста, но и механизмы долгосрочного контроля. Хотя модель КНР обеспечивает быстрый доступ к капиталу без политических условий, ее долгосрочные последствия влекут за собой ограничение экономического суверенитета в ряде случаев.

Существует несколько аспектов политического влияния Китая на африканском континенте – экономическая и политическая зависимости, первая была рассмотрена ранее, вторая заключается в том, что китайские инвестиции в Африке не только трансформируют экономику континента, но и формируют новую систему политической зависимости. Африканские страны, получающие значительное финансирование от Китая, все чаще адаптируют свою внешнюю политику к интересам Пекина, что выражается в голосованиях в международных организациях, дипломатических решениях и торговых соглашениях. Хотя официально Китай и не предъявляет политических условий для предоставления инвестиций, практика показывает, что их получение сопровождается рядом неформальных обязательств, влияющих на дипломатическую риторику и стратегические решения африканских государств.

Анализ голосований в ООН и внешнеполитических заявлений африканских стран свидетельствует о том, что уровень их финансовой зависимости от Китая коррелирует с их дипломатической поддержкой Пекина. Государства, активно получающие китайские инвестиции, демонстрируют склонность к поддержке китайской позиции в международных организациях, отказываются от дипломатических отношений с Тайванем и углубляют торговые связи с КНР. В результате экономическое присутствие Китая в Африке превращается в инструмент внешнеполитического влияния, способствующий укреплению его позиций на международной арене.

Одним из наиболее явных индикаторов политического влияния Китая на африканские страны являются их голосования в ООН. Рост политического влияния особенно заметен на трех направлениях, изоляция Тайваня, защита Китая от критики в сфере прав человека и поддержка его позиции в международных конфликтах.

Изоляция Тайваня является важной частью китайской внешней политики, поскольку Китай придерживается принципа «одного Китая», который требует, чтобы все страны мира признали суверенитет Китая над Тайванем. Пекин использует экономическое и дипломатическое давление для того, чтобы заставить другие страны разрывать отношения с Тайбэем. В этом контексте китайская политика становится не только вопросом территориальной целостности, но и важным инструментом для расширения глобального влияния Китая.

Когда Китай увеличивает свои инвестиции в различные регионы, в том числе и Африку, он ставит страны перед выбором, ведь поддержка Тайваня — это прямой отказ от китайской помощи. В 2021 году Китай объявил о 60 млрд долларов новых инвестиций в Африку, при этом заявив, что страны, сохраняющие дипломатические отношения с Тайбэем, не получают доступа к средствам. [20] В 1994 году у Тайваня было 11 дипломатических союзников в Африке, однако по мере того как Китай активизировал свою инвестиционную деятельность, количество африканских стран, поддерживающих Тайвань начало сокращаться. На 2023 год из 54 африканских государств только Эсватини продолжило поддерживать Тайвань на дипломатическом уровне. [11] Одним из ярких примеров такого давления является ситуация с Буркина-Фасо. В 2018 году страна официально разорвала дипломатические отношения с Тайванем в обмен на крупные инвестиции Китая в сельскохозяйственный сектор и транспортные инфраструктуры. [19] Взамен Китай предложил выгодные кредиты и программы развития, что значительно улучшило экономические перспективы страны. Решение было в первую очередь продиктовано экономической целесообразностью.

Однако, несмотря на экономические выгоды от китайских инвестиций, Эсватини находясь в трудной экономической ситуации, продолжила поддерживать дипломатические отношения с Тайванем. Оставшись единственным дипломатическим союзником Тайваня, страна демонстрирует, что сохранение связей с Тайванем все еще имеет важное значение, несмотря на сильное экономическое давление со стороны Китая. Эсватини настаивает на своей независимости в принятии внешнеполитических решений несмотря на возможные экономические потери от отказа от китайских инвестиций.

Другим важным аспектом дипломатического влияния КНР является его защита от критики

в сфере прав человека. Несмотря на многочисленные обвинения в репрессиях против уйгуров в Синьцзяне, нарушениях свободы слова в Гонконге большинство африканских стран отказались поддержать антикитайские резолюции в ООН. В 2019 году на голосовании по правам человека 25 африканских стран [24] не поддержали антикитайскую резолюцию. А в 2021 году во время обсуждения санкций против Китая за репрессии в Гонконге африканские страны, получающие китайские инвестиции, не поддержали США и ЕС.

Причины такого поведения африканских стран очевидны, Китай является их крупным экономическим партнером. Китай активно инвестирует в инфраструктуру, сельское хозяйство, энергетические проекты и технологии, предоставляя кредиты, которые значительно помогают в развитии этих стран. Многие государства африканского континента предпочитают игнорировать или минимизировать критику Китая в обмен на продолжение экономических связей и поддержку проектов, которые критически важны для их экономики. В этом контексте отказ от осуждения Китая можно рассматривать как часть прагматичной внешнеэкономической стратегии, направленной на поддержание стабильных и выгодных отношений с Пекином. Примеры подтверждают, что экономическая зависимость африканских стран приводит к изменению их внешнеполитического курса, делая их лояльными союзниками Китая. Такую тенденцию можно считать формой неоколониализма.

Таким образом, китайские инвестиции формируют не только экономическую, но и политическую зависимость африканских стран, влияя на их внешнеполитический курс. Африканские государства все чаще поддерживают тесную связь между экономическим сотрудничеством и дипломатической лояльностью. Однако это влияние не является абсолютным – отдельные страны продолжают сохранять независимость.

Заключение

Проведенное исследование позволило комплексно рассмотреть феномен китайских инвестиций в Африке, выявив его многогранный характер. Прежде всего, обращение к теоретическим основам международных экономических отношений позволило обозначить, что взаимодействие Китая и стран Африки строится на использовании как абсолютных, так и относительных преимуществ. Стратегия Китая основана на прагматичном использовании преимуществ международного разделения труда и поддерживается концепцией модернизации, однако в африканском контексте возникает риск формирования неоколониальной зависимости от китайского капитала и технологий.

Анализ структуры и объемов китайских инвестиций показал, что Пекин последовательно расширяет свое экономическое присутствие в регионе, прежде всего концентрируясь на проектах в сфере инфраструктуры, энергетики и технологий. Эти вложения, безусловно обеспечивают развитие ключевых секторов экономики и созданию новых рабочих мест, однако сопровождаются долговыми обязательствами, ограничивающими экономический суверенитет, принимающих стран. В этом контексте понятие неоколониализма приобретает особую актуальность, речь идет не о классической форме неоколониального господства, а о новой, экономически опосредованной зависимости.

Китайская инвестиционная экспансия в Африке также носит выраженный геополитический характер. В условиях глобального соперничества с Западом Пекин стремится укрепить свои позиции не только в экономической, но и в политической сфере, используя экономические связи как механизм формирования благоприятной дипломатической среды. Это подтверждается растущей поддержкой со стороны африканских стран в международных организациях.

Таким образом, китайские инвестиции в Африке носят неоднозначный характер. Они выступают как важный фактор модернизации и роста, но одновременно усиливают структурную зависимость, которую можно рассматривать как современный неоколониализм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Alden, C. China-Africa Engagement: Insights from a Comparative Perspective / C. Alden, D. Large, R. Soares de Oliveira. – Real Instituto Elcano, 2021. – Рабочая статья № 51.
2. Brautigam, D. The Dragon's Gift: The Real Story of China in Africa / D. Brautigam. – Oxford: Oxford University Press, 2009.
3. China Daily. China remains Africa's largest trading partner [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202306/30/WS649e3a57a310bf8a75d6c867.html> (дата обращения: 08.04.2025).
4. CNBC Africa. China could drive Africa's renewable energy revolution, report says [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cnbc.com/2024/china-could-drive-africas-renewable-energy-revolution-report-says/> (дата обращения: 23.02.2025).
5. Disrupt Africa. New report tracks growth of African fintech ecosystem and explosion in funding since 2021 [Электронный ресурс]. – URL: <https://disruptafrica.com/2023/08/21/new-report-tracks-growth-of-african-fintech-ecosystem-and-explosion-in-funding-since-2021/> (дата обращения: 23.02.2025).
6. Frank, A. G. The Development of Underdevelopment / A. G. Frank // Capitalism and Underdevelopment in Latin America. – New York: Monthly Review Press, 1967. – С. 4–17.
7. Krugman, P. Increasing Returns and Economic Geography / P. Krugman // Journal of Political Economy. – 1991. – Vol. 99, No. 3. – с. 483–499.
8. Olley, A. Debt Crisis and Default in Zambia: The Role of China and African Sovereign Debt / A. Olley. – African Development Bank Group, 2020. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.afdb.org/en/knowledge/publications/debt> (дата обращения: 09.02.2025).
9. Prebisch, R. The Economic Development of Latin America and Its Principal Problems / R. Prebisch. – New York: United Nations, 1950. – 85 p.
10. Rostow, W. W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto / W. W. Rostow. – Cambridge: Cambridge University Press, 1960.
11. Taiwan tries to hold on to Eswatini, its last remaining ally in Africa // RFI [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rfi.fr/en/africa/20230908-taiwan-tries-to-hold-on-to-eswatini-its-last-remaining-ally-in-africa> (дата обращения: 23.04.2025).
12. United Nations Conference on Trade and Development. Investment flows to Africa significantly cut by pandemic [Электронный ресурс]. – URL: <https://unctad.org/press-material/investment-flows-africa-significantly-cut-pandemic-says-un-report> (дата обращения: 08.04.2025).
13. Wallerstein, I. The Modern World-System / I. Wallerstein. – New York: Academic Press, 1974. – 410 p.
14. Викторьен, А. Влияние китайских инвестиций на африканские рынки / А. Викторьен // Международные исследования. – 2023. – № 5. – С. 45–58.
15. Всемирный банк. Итоги развития и инвестиции в Африке 2023 года. – Всемирный банк, 2023. – URL: <https://www.worldbank.org/en/region/africa> (дата обращения: 08.02.2025).
16. Всемирный банк. Проект по строительству железной дороги Аддис-Абеба — Джибути: Экономическое влияние на Африку. – Всемирный банк, 2016. – URL: <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2016> (дата обращения: 10.02.2025).
17. Дейч, Т. Л. Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия? / Т. Л. Дейч // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11, № 5. – С. 119–141.
18. Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). Всемирный доклад об инвестициях 2023: обзор. – Женева: ЮНКТАД, 2023. – 40 с.
19. Международный валютный фонд. Долговая нагрузка африканских стран. – Вашингтон, 2020.
20. Министерство иностранных дел Китая. Форум китайско-африканского сотрудничества (ФОСАС). Итоги встреч 2000–2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fmprc.gov.cn/> (дата обращения: 11.02.2025).
21. Министерство коммерции КНР. Статистика по иностранным инвестициям // Министерство

коммерции КНР [Электронный ресурс]. – URL: <https://russian.mofcom.gov.cn/article/statistic/foreigninvestment/> (дата обращения: 03.02.2025).

22. Национальное бюро статистики Китая. Статистическое коммюнике Китайской Народной Республики о национальном экономическом и социальном развитии в 2024 году [Электронный ресурс]. – Пекин, 1 марта 2025 г. – URL: https://english.www.gov.cn/archive/statistics/202503/01/content_WS67c2695cc6d0868f4e8f02ae.html (дата обращения: 03.03.2025).

23. Нкрума, К. Неоколониализм, последний этап империализма / К. Нкрума. – М.: Наука, 1965.

24. Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Резолюция A/RES/73/295 от 22 мая 2019 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.un.org/ru/ga/73/docs/73res3.shtml> (дата обращения: 10.02.2025).

25. Рикардо, Д. Начала политической экономии и налогового обложения / пер. с англ., вступ. ст. и комм. А. П. Беловой. – М.: Экономика, 2008. – 416 с.

26. Сафронова, Е. Е. Китайская модель привлечения иностранных инвестиций: возможности для российской экономики / Е. Е. Сафронова. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 187 с.

27. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит; пер. с англ. В. С. Афончева. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.

Chinese investments in Africa: a source of economic growth or a new form of neocolonialism?

Zetkina Oksana Valerievna

PhD in Economics, Associate Professor,
Demidov State University, Yaroslavl, Russian Federation
Email: ovzetkina@ya.ru

Krasnova Elizaveta Semyonovna

Demidov State University, Yaroslavl, Russian Federation
Email: elisaweta.k@yandex.ru

KEYWORDS.

China, Africa, investment, neocolonialism, external economic dependency, international economic relations, infrastructure, political influence

ABSTRACT.

The article examines the characteristics of China's investment strategy in African countries in the context of its impact on economic development and the formation of external economic dependencies. The study aims to identify contradictions between the proclaimed policy of «mutually beneficial cooperation» and the actual mechanisms of economic influence employed by the PRC. The paper analyzes the dynamics and structure of Chinese investments from 2003 to 2023 and evaluates the sectoral focus and geographical concentration of capital. Special attention is given to the conceptualization of «tied investments» as a tool for transforming debt obligations into elements of institutional control over key assets. The methodological framework includes structural and comparative-analytical methods, as well as dependency theory and modernization concepts. The article emphasizes the correlation between the volume of Chinese investments and changes in the foreign policy orientation of African states. The findings indicate the presence of neocolonial features in China's current investment policy on the continent. The results underscore the need to reconsider the paradigm of international economic cooperation and to develop mechanisms that ensure a balance between investment attractiveness and the sustainable development of recipient countries.
